

1. Пытки, то есть умышленное причинение сильной боли или страдания, физического или морального, путем применения насилия с целью получить от потерпевшего или другого лица сведения или признания, или наказать его или иное лицо за действия, совершенные им или другим лицом или в совершении которых он или другое лицо подозревается, либо запугать или принудить его или другое лицо совершить действия, противоречащие их воле, а также с целью дискриминации любого характера, – наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное повторно или по предварительному сговору группой лиц, или служебным лицом с использованием своего служебного положения, или в отношении двух или более лиц, или в отношении несовершеннолетнего, или беременной женщины, или лица, находящегося в беспомощном состоянии, или с применением оружия либо иного предмета, специально приспособленного или заранее заготовленного для нанесения телесных повреждений, или по мотивам социальной, расовой, национальной или религиозной нетерпимости, –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой или в отношении малолетнего, или если они повлекли смерть лица или иные тяжкие последствия, –

наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.»;

3) в абзаце 1 ч. 2 ст. 424 после слов «насилия в отношении подчиненного» добавить слова «, при отсутствии признаков пыток».

УДК 343.2

Э.А. Саркисова

ЭМОЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СТАТУС И ЗНАЧЕНИЕ

Вопросы, относящиеся к вине в уголовном праве, были и остаются предметом пристального внимания ученых – исследователей и практиков. Наша история является свидетельством и того, когда теория вины в советском уголовном праве, представляемой в качестве единственного основания уголовной ответственности, подкреплённая приданием особой значимости признанию ее обвиняемым, использовалась и для научного обоснования незаконных репрессий и их оправдания.

Вместе с тем жизнь требовала развития разумных подходов к оценке вины как психического отношения лица к содеянному им, что давало импульс для развития общей теории состава преступления, одним из элементов которого признается субъективная сторона. Вначале этот элемент чаще всего отождествлялся с виной, в последующем стали вырисовываться и другие признаки субъективной стороны преступления, хотя и выступающие в целом в роли факультативных признаков, но имеющие юридическое значение применительно к конкретным составам. В связи с этим стало обращать внимание на такие признаки, как мотив, цель преступления, эмоции и др.

Но все дело в том, что до сих пор единства в вопросе о принадлежности всех этих признаков к субъективной стороне преступления среди ученых не достигнуто, с чем связано и различное определение правового статуса как мотива и цели, так и эмоций. Указанное разночтение вызывает и трудности в уяснении сути и содержания субъективной стороны преступления, что сказывается на уровне правовой оценки содеянного в каждом конкретном случае. Одно дело, когда мотив, цель или эмоция предопределяют психическое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям, а значит и влияют на степень вины лица и соответственно на квалификацию содеянного, другое – когда они выступают лишь в роли характеристики субъекта преступления, что далеко не всегда может рассматриваться как фактор, предопределяющий степень его вины.

Но сошлемся на литературу. По мнению А.В. Баркова, субъективная сторона преступления – это элемент состава преступления, который выражает внутреннее, психическое отношение лица к своему общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям посредством вины (умысла или неосторожности), мотива и цели в совершенном преступлении. Далее А.В. Барков указывает, что особое место в субъективной стороне преступления занимают эмоции (чувства), которые испытывает человек во время совершения преступления. Будучи связанными с мотивом общественно опасного деяния, они в некоторых случаях входят в субъективную сторону конкретного состава преступления, например убийства, совершаемого в состоянии внезапно возникшего душевного волнения – физиологического аффекта (ст. 141 УК Республики Беларусь).

Из данных положений вытекает следующее:

эмоции, по сравнению с мотивом или целью, занимают неодинаковое место в субъективной стороне. Автор им предоставляет «особое» место;

психическое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям выражается в вине, мотиве и цели;

эмоции связаны с мотивом (другими словами, предопределяют мотивацию содеянного, что уже не позволяет их ставить в один ряд с мотивом и целью).

Обратимся к позиции Н.А. Бабия, который к признакам субъективной стороны относит вину, мотив, цель и эмоциональное состояние, считая при этом, что из числа эмоциональных состояний в УК учтено только состояние аффекта и что эмоция аффекта относится в значительно большей степени к характеристике субъекта преступления, его способности или неспособности отдавать отчет своим действиям и руководить ими. По этой причине многие авторы не без оснований не придают аффекту значения самостоятельного признака субъективной стороны преступления. Однако Н.А. Бабий считает не совсем обоснованным полностью лишать аффект принадлежности к субъективным признакам, поскольку аффект – это не любая напряженная эмоция, а совокупная характеристика психического состояния субъекта, включающая в себя учет аффектогенных факторов, аффектированного умысла и специфических аффектированных мотивов.

Приведенные положения говорят о следующем:

эмоции (эмоциональное состояние) автор включает в содержание субъективной стороны преступления в качестве ее факультативных признаков наравне с мотивом и целью;

эмоция аффекта относится в значительно большей степени к характеристике субъекта преступления;

нецелесообразно лишать аффект качества признака субъективной стороны преступления, поскольку он имеет отношение не только к характеристике субъекта, но и к содержанию субъективной стороны преступления.

И.О. Грунтов, рассматривая содержание вины, полагает, что психическое и волевое отношение к объективным обстоятельствам содеянного зависит от определенного психофизического состояния лица (эмоционального состояния, не достигшего уровня физиологического аффекта; состояния страха, невежества, суеверия и др.).

В позиции автора прослеживается мысль о влиянии эмоционального состояния на ответственность, в связи с чем предлагается ввести в перечень обстоятельств, смягчающих ответственность (ст. 63 УК Республики Беларусь), совершение преступления в состоянии сильного эмоционального возбуждения, но не вытекает из нее, что эмоции должны занять место на равноправной основе с мотивом и целью как признак субъективной стороны преступления.

По мнению российского ученого А.И. Рарога, как эмоции, так и аффект, которые автор, кстати говоря, не отождествляет, не являются элементами психического отношения к общественно опасному деянию, а означают психические переживания (эмоции) или психическое состояние лица (аффект). Автор считает, что эмоции чаще всего не имеют юридического значения и поэтому не могут выступать в качестве самостоятельного признака субъективной стороны. Автор солидарен с теми учеными, которые признают значение эмоций как энергетического компонента мотива, т. е. они могут способствовать возникновению, формированию мотивов. Но и в этих случаях эмоции, выражая социальную характеристику субъекта преступления, должны учитываться как социальный признак, характеризующий субъекта преступления. Что касается аффекта, то он хоть и снижает возможности человека осознать фактический характер и социальное значение своих действий и (или) руководить ими, тем самым накладывая определенную окраску на интеллектуальные и волевые процессы, протекающие в психике виновного, но элементом этих процессов, образующих вину, не является.

Отметим также, что в психологии эмоции определяются как особый класс психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты практической деятельности человека, направленной на удовлетворение его актуальных потребностей. Эмоции многообразны, они подразделяются на аффекты, собственно эмоции, чувства, настроения и стресс. При их характеристике, как правило, подчеркивается, что они в жизни и деятельности человека играют мотивирующую роль.

Оценивая приведенные позиции ученых, сразу же обратим внимание на то, что они, как и многие другие, обоснованно не отождествляют психическое состояние лица, совершившего преступление, и психическое отношение лица к совершаемому преступлению. Последнее составляет субъективную сторону преступления, т. е. сочетание интеллектуальных и волевых процессов, происходящих в психике виновного. И это главное в субъективной стороне. Поэтому многие ученые признают то обстоятельство, что не только вина, но и мотив и цель являются составляющими таких процессов. Исходя из этого, законодатель признает юридическое значение мотива и цели, закрепляя в целом ряде далеко не единичных случаев их статус как обязательных признаков субъективной стороны, т. е. признаков, характеризующих психическое отношение лица к содеянному, которое в обязательном случае влияет на его уголовно-правовую оценку (квалификацию, степень общественной опасности). Мотив и цель, как правило, формируют умышленную форму вины и тем самым, оказывая непосредственное влияние на психику виновного, определяют его умышленную преступную деятельность. Однако в отношении эмоций этого сказать нельзя. Согласно УК Республики Беларусь правовое значение эмоции имеют лишь тогда, когда они перерастают в аффект, т. е. внезапно возникшее сильное душевное волнение, вызванное противозаконными или грубыми аморальными действиями потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (ст. 31). При этом закон поставил указанное состояние в ряд состояний, характеризующих способность или неспособность лица осознать значение своих действий или руководить ими, не связывая такие состояния с интеллектуальными или волевыми процессами, характеризующими отношение лица к совершаемому деянию. Не вина, а именно психическое состояние лица позволяет не привлекать его к уголовной ответственности за любые преступления, совершенные умышленно или по неосторожности, кроме умышленного причинения смерти, тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения. Поэтому в таких случаях приоритет отдается состоянию, а не отношению, что позволяет (именно приоритетное значение аффекта) относить его к характеристике субъекта, а не к субъективной стороне преступления. Иными словами, юридический статус эмоций в уголовном праве, которые законодательно закреплены сейчас только применительно к аффекту, относится к характеристике субъекта. Что касается так называемого аффектированного умысла, возникновению которого обязано состояние аффекта, то это лишь разновидность умысла, охватываемого обязательным признаком субъективной стороны преступления, каковым является вина.

Разумеется, отрицать тесную взаимосвязь психического отношения и психического состояния было бы неправильно. Такая связь получила и законодательное закрепление в ч. 2 ст. 21 УК Республики Беларусь, согласно которой виновным в преступлении может быть признано лишь вменяемое лицо, совершившее общественно опасное деяние умышленно или по неосторожности. Пограничные же с вменяемостью состояния говорят не о том, что лицо, находясь в таких состояниях, невиновно или что его вина приобретает какие-либо иные формы, а о том, что у него ослаблена способность сознавать значение своих действий или руководить ими. Именно поэтому закон к таким лицам более снисходителен. И в этой связи мы полностью солидарны с И.О. Грунтовым, предложившим закрепить юридическое значение и других эмоций, не подпадающих под понятие аффекта, закрепленное в ст. 31 УК Республики Беларусь, придав им статус смягчающего ответственность обстоятельства, учитываемого при назначении наказания.

УДК 343.9

А.Г. Сачек

КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современных условиях развития белорусского общества значительное внимание органов государственной власти и научных кругов уделяется вопросам экономической безопасности государства. Ведется активная работа по совершенствованию законодательства в сфере обеспечения противодействия угрозам экономической безопасности. В то же время следует обратить внимание на необходимость разработки действенных способов оценки существующих и потенциальных источников криминальных угроз экономической безопасности, а также выработке комплекса мер противодействия.

Прежде чем рассматривать вопрос об угрозах экономической безопасности, представляется необходимым отметить, что в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной указом Президента от 9 ноября 2010 г. № 575, экономическая безопасность определяется как состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.